

Искусственный интеллект в медиадискурсе 2010-х гг.

А. Ю. Колянов✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉aikolianov@etu.ru

Введение. В статье рассматривается динамика отражения образа искусственного интеллекта в медиа 2010-х гг. Освещение быстрого развития технологии в средствах массовой информации требует тщательного анализа и систематического мониторинга в силу не сложившихся до конца общественно-этических представлений о месте и роли искусственного интеллекта в жизни человека. В работе делается попытка изучить, какими были представления медиа об искусственном интеллекте во втором десятилетии XXI в.

Методология и источники. На основании результатов количественных и качественных исследований текстов российских и зарубежных медиа анализируются смысловые изменения репрезентации искусственного интеллекта. Теоретическими основами работы послужили представления о медиасистеме и развитии современной гибридной медиасистемы Э. Чедвика, М. Кастельса, Д. Уивера и др. Для сбора эмпирической информации были использованы анализ документов (докладов и подготовительных записок ЮНЕСКО для разработки этического кодекса искусственного интеллекта), опросов общественного мнения (ВЦИОМ), контент-анализ англоязычных и русскоязычных материалов медиа.

Результаты и обсуждение. По итогам исследования была отмечена зависимость характера и интенсивности упоминаний понятия «искусственный интеллект» от политико-экономических явлений. В частности, наблюдается связь с ростом экономической активности инвесторов в передовых технологиях, запуском крупными компаниями инновационных технологий в сфере потребления и политическими программами государств.

Заключение. В настоящий момент искусственный интеллект предстает как положительная технология, внедрение которой в социальные и профессиональные сферы необратимо. Негативные последствия развития данной технологии представляются как неочевидное гипотетическое будущее. К началу третьего десятилетия XXI в. медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению этических рамок развития технологии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиа, медиадискурс, 2010-е гг., контент-анализ, дискурс-анализ.

Для цитирования: Колянов А. Ю. Искусственный интеллект в медиадискурсе 2010-х гг. // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 4. С. 58–67. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-58-67

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.06.2021; принята после рецензирования 17.06.2021; опубликована онлайн 24.09.2021

© Колянов А. Ю., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Artificial Intelligence in Media Discourse of 2010s

Alexey Yu. Kolianov✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉aikolianov@etu.ru

Introduction. The article examines the image of artificial intelligence in the media and its reflection in 2010s. Coverage of the fast development of technology in the mass media requires careful analysis and systematic monitoring due to not fully determined socio-ethical ideas about the place and role of artificial intelligence in human life. The paper attempts to study what media had about artificial intelligence in the second decade of the 21st century.

Methodology and sources. Based on the results of quantitative and qualitative studies of the texts of Russian and foreign media, semantic changes in the representation of artificial intelligence are analyzed. To collect empirical information, we used the analysis of documents (reports and preparatory notes of UNESCO for the development of an ethical code of artificial intelligence), public opinion polls, content analysis of Russian and foreign media.

Results and discussion. According to the results of the study, correlation between intensity of references to artificial intelligence on political and economic phenomena was noted. In particular, there is a connection with the growth of economic activity of investors in advanced technologies, the launch of innovative technologies in the sphere of consumption by large companies and the strategic programs of states.

Conclusion. At the moment, artificial intelligence is seen as positive technology. Implementation of AI into social and professional spheres is irreversible. The negative consequences of the development of AI are considering as an unobvious hypothetical future. By the beginning of the third decade of the 21st century, the media discourse around AI expanded to such a state of uncertainty that it took action to establish an ethical framework for the development of technology.

Key words: artificial intelligence, media, media discourse, 2010s, content analysis, discourse analysis.

For citation: Kolianov A. Yu. Artificial Intelligence in Media Discourse of 2010s. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 4, pp. 58–67. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-4-58-67 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.06.2021; adopted after review 17.06.2021; published online 24.09.2021

Введение. Развитие искусственного интеллекта началось в середине XX в., и до недавнего времени социальная рефлексия по поводу творческих способностей интеллектуальных систем оставалась прерогативой ученых и художников – авторов научно-фантастических произведений. Первым заметным высказыванием на эту тему стала статья Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить», опубликованная в 1950 г., где известный математик выражал надежду на то, что «машины в конце концов будут успешно соперничать с людьми во всех интеллектуальных областях» [1]. На протяжении следующих пятидесяти лет представления о мыслящих машинах неоднократно и по-разному разрабатывались в науке, искусстве и массовой культуре. Однако все эти образы чаще всего являлись вымыслом и плодом воображения авторов, хотя и сформировали некоторые тенденции восприятия разумной машины. Возможно, именно благодаря художественному осмыслению рисков развития интеллекту-

альных систем сегодня они воспринимаются не только как помощники человека, но и как угроза интеллектуальному и физическому лидерству людей в мире.

Одним из важнейших стал вопрос о том, может ли компьютерная программа, заложенная в машину, стать основой мышления? Иными словами, способна ли машина обладать независимым сознанием? Проблема оценки возможностей интеллектуальной машины разделила ученых и общество на сторонников «слабого» (исполняющего алгоритмы, заданные программой) и «сильного» (разумного, обладающего сознанием) интеллекта. В настоящее время предпосылок для возникновения «сильного» машинного разума не было найдено даже в рамках философии искусственного интеллекта. Более того, выдвинутый одним из основоположников этой специализации внутри философской науки Джоном Сёрлем в 1980 г. в журнале «Behavioral and Brain Sciences» аргумент против концепции «сильного» искусственного интеллекта до сих пор не получил адекватного опровержения. Имеется в виду известный эксперимент с китайской комнатой, в которой находится человек, не знающий китайского языка, получивший в распоряжение формальные алгоритмы ответов на китайском. Сёрль утверждает, что, хотя человек с помощью этих алгоритмов может правильно отвечать интервьюерам за пределами комнаты на китайском языке, самого языка он как не знал, так и не будет знать. Главная причина невозможности «сильного» искусственного интеллекта по Сёрлю – это владение машиной только синтаксическими возможностями. Человеческий мозг же имеет биологическую природу, которой у машины нет. Человек с помощью сознания вносит в синтаксис смыслы [2]. Дискуссии на эту тему продолжаются по сей день.

Однако в конце прошлого века исследования в области искусственного интеллекта стали стремительно развиваться, чему способствовал ряд революционных технологических достижений (в частности, сверточных нейронных сетей, с которыми связано понятие «глубинное обучение», отражающее способность машины учиться). Тем самым было положено начало знакомству широкой аудитории с реальными примерами интеллектуальной деятельности машин, поскольку они стали быстро входить в повседневную жизнь потребителей устройств связи, информационных технологий и т. д. Существенный рост интереса к искусственному интеллекту возникает уже в 2010-е гг., что связано с появлением технологий анализа и обработки крупных массивов информации (big data). Тематика искусственного интеллекта стала чаще затрагиваться не только в традиционных средствах массовой информации, но и в новых медиа. Особенности и масштабы информационного охвата технологического развития приводят к тому, что образ искусственного интеллекта в публичных источниках становится размытым.

Методология и источники. Поскольку с увеличением доступности информации в социуме растет уровень неопределенности, прогнозировать эффекты воздействия медиа на общественное сознание становится сложнее. Возможность доступа к гигантским массивам информации последовательно приводит к необходимости внедрения в деятельность традиционных средств массовой информации новых практик, связанных с мониторингом, проверкой и мгновенным сохранением информации. К таким практикам относятся, в частности, фактчекинг, журналистика данных и скриншотов и др. Подобные нововведения приводят к тому, что работающие в медиа специалисты вынуждены расширять свое прежнее привычное амплуа «новостных привратников» (gatekeepers) ролями «информационных наблюдате-

лей» (gatewatchers) [3]. Зарубежные теории прессы и массовой коммуникации XX в., в особенности появившиеся после Второй мировой войны [4, 5], постепенно утрачивают объяснительный потенциал одновременно с тем, как традиционные и новые медиа разрабатывают новые способы производства информации и информационных продуктов. Таким образом, уже не первый раз приходится констатировать, что вид профессиональной деятельности по сбору, анализу и распространению социально значимой информации через разнообразные коммуникативные каналы, ранее известный как журналистика, трансформируется в более масштабную по своему социально-экономическому влиянию область. Важными здесь в первую очередь являются продолжающийся уход от социальной значимости и продолжение конструирования, цитируя известное выражение Никласа Лумана, «второй реальности», которую стоит не столько критиковать, сколько изучать способы, с помощью которых она конструируется [6]. Сегодня этот призыв особенно актуален в связи с постепенным распространением виртуальной реальности и новых форм журналистики: виртуальной, иммерсивной и т. д. Нами уже отмечалась очевидная необходимость в теоретико-методологических обоснованиях как комплексного изучения медиасистемы на текущем этапе развития, так и изучения существующих в ее рамках отдельных практик [7].

На наш взгляд, в качестве наиболее потенциальной теоретической разработки в области понимания медиасистем можно рассматривать концепцию гибридной медиасистемы британского исследователя политических коммуникаций Эндрю Чедвика [8]. В рамках этой концепции развитие медиасистемы представляется не столько как очередная итерация контента в новой материальной форме (газета, журнал, радио, телевизор, компьютер, смартфон), сколько синергия разных форм медиа, возникающая в результате их конвергенции. Следовательно, информационные потоки возникают и оформляются в соответствии с особенностями специфики развития медиасистемы. Таким же образом изменяются и способы влияния на информацию. Это особенно заметно в трансформации публичного поведения политических элит. Они вынуждены не только считаться с новой медийной реальностью, но и приспосабливаться к ней; там же возможности крупных медиакорпораций иногда так велики, что под их санкции попадают даже первые лица государств. Примером может служить блокировка аккаунта Дональда Трампа в социальной сети Twitter в связи с опасениями в возможных подстрекательствах к беспорядкам и насилию.

В итоге у медиасистемы появляется специфический эффект транспарентности. В реальности создается только иллюзия прозрачности, однако на самом деле возникает перманентно самовоспроизводящееся и в силу этой специфики гомеостатическое состояние системы. В такой медиасистеме баланс между открытой и закрытой информацией конструирует отдельные открытые и закрытые подсистемы. Следовательно, эффектом конвергенции является гибридность [8]. Метафорически подобную систему можно представить в виде емкости с кипящей водой. Емкость открыта, но стенки непрозрачны. Можно наблюдать, как в воде и на ее поверхности возникают своего рода «информационные» пузыри. Однако целиком увидеть происходящее внутри емкости можно только с некоторых позиций (например, сверху). В зависимости от угла обзора изменяется и масштаб увиденного. Результатом данных изменений являются дисфункции, которые первоначально проявляются в негативных последствиях функционирования социальных медиа. Настоящая проблема часто описывается с помощью языка естественных наук, например биологии или экологии

гии, и такие дисфункции соответственно определяются как «вирусы» или «информационное загрязнение».

В числе иных негативных эффектов гибридной конфигурации медиасистемы можно также назвать цифровое неравенство или разделение аудитории по характеру условий доступа к разному объему информации, что возможно, в частности, с помощи абонентской платы, обязательной регистрации, систем платной подписки (пэйволл), пожертвований (донатов) и тому подобных мер. Наблюдается также снижение качества информации при росте ее количества, в угоду количеству и др.

Состояние «эпохи неопределенности», особенно после пандемии коронавируса COVID-19, делает крайне затруднительными прогнозы относительно последствий существенных изменений в медиасистеме. Оценивая ситуацию с разных сторон, исследователи сходятся во мнении, что результаты этих трансформаций будут неоднозначными. С одной стороны, медиа вынуждены повышать социальную ответственность в связи с реакцией общественности. С другой – либеральная экономика способствует коммерциализации любого контента, даже если он социально одобряем [9].

Пожалуй, единственным общим моментом в разнообразии мнений относительно текущего состояния медиасистемы является констатация ее кризиса. В частности, Мануэль Кастельс, испанский социолог и исследователь медиа, говорит о двух проявлениях данного кризиса [10]. Первой чертой является несостоятельность актуальных функционирующих бизнес-моделей средств массовой информации. Это вызывает беспокойство в научных кругах в основном потому, что интенсивное преследование экономических интересов собственников медиакорпораций наносит вред журналистике, понимаемой в научном дискурсе как социально значимый вид деятельности, осуществляемой во благо общества. Второй чертой является возникновение и обострение вопроса о пользе и необходимости традиционной журналистики сегодня. Вновь возникающие формы производства информации в социальных медиа способны достаточно эффективно удовлетворять запросы аудитории. Тем более что когнитивные способности аудитории, привыкшей к формам бытования информации в последние десятилетия, соответствуют, скорее, именно таким формам. Появившиеся не так давно журналистика участия, гражданская, публичная, народная журналистика и другие виды нетрадиционных способов сбора и оформления информации апеллируют к эмоциональной стороне ее потребителя и пренебрегают объективной методологией. Все это вкупе с негативными интеллектуальными последствиями распространения новых информационных технологий, демократизацией и коммерциализацией образования только лишь подрывает авторитет традиционных СМИ, наряду с авторитетом прочих социальных и политических институтов, а также снижает доверие к сложившимся ранее формам экспертизы. Такое явление уже получило название «кризиса экспертности» [11]. Кроме того, новые формы более удобны при мониторинге информационного поведения пользователей, что существенно при таргетировании и распространении контекстной рекламы, а также для манипулирования действиями потребителя.

Современная гибридная медиасистема, ориентированная на коммерциализацию контента, пытается реагировать одновременно на идеологический и социальный заказы. Первый исходит от интересантов и бенефициаров внедрения технологии в потребление (правительств и корпораций), второй – от аудитории. В результате интеллектуальные машины оказываются представленными в медиадискурсе весьма противоречиво.

Одним из примеров отражения этого сложного и неоднозначного образа интеллекта являются информационные материалы ЮНЕСКО, опубликованные для сопровождения разработки рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта. Так, в частности, в этих материалах говорится, что «искусственный интеллект может оказать поддержку миллионам учащихся в получении полного среднего образования, обеспечить дополнительные 3,3 миллиона рабочих мест» [12], а также помочь в борьбе с последствиями пандемии COVID-19. Однако данная технология может быть одновременно опасной, поскольку «порождает также риски и вызовы, обусловленные злонамеренным использованием, а также углубляющимся неравенством между странами» [2].

Согласно данным ЮНЕСКО, к 2022 г. добавленная стоимость от использования технологии искусственного интеллекта предположительно составит около 4 трлн дол. США. К началу 2030-х гг. прогнозируется экономический рост в Китае и Северной Америке. Доля этих регионов и стран в глобальном воздействии интеллектуальных технологий составит 70 %. Вместе с тем в настоящее время наблюдается динамика распределения преимуществ от использования искусственного интеллекта согласно принципу «winner takes all» («победитель получает всё»). Данные процессы, по мнению специалистов ЮНЕСКО, требуют строгого регулирования. Иначе сосредоточение систем искусственного интеллекта в арсеналах всего нескольких стран с развитыми экономиками и высоким уровнем дохода населения может сильно отбросить развивающиеся страны назад в попытках догнать технологический прогресс. Как результат – отстающие в этой гонке страны не смогут воспользоваться возможностями передовых технологий или получают от них очень незначительную выгоду и, что более важно, не будут обладать правами собственности на такие технологии.

Помимо негативных экономических последствий развитие искусственного интеллекта уже провоцирует социальные последствия и способствует все большему увеличению гендерных разрывов. Так, по данным ЮНЕСКО, только 22 % специалистов по искусственному интеллекту являются женщинами. Из-за недостаточной представленности женщин в данной отрасли технологии искусственного интеллекта репродуцируют существующие гендерные предрассудки и стереотипы. Одним из примеров этого является неслучайный факт: такие виртуальные помощники как Сири (Siri), Алекса (Alexa), Кортана (Cortana) или Алиса в конфигурации по умолчанию являются «женщинами». «Подчинение, а иногда и покорность, которую они выражают, является примером того, как искусственный интеллект может (продолжать) распространять гендерные предрассудки в наших обществах», – говорится в комментарии ЮНЕСКО [12].

Результаты и обсуждение. Очевидно, что освещение такого противоречивого явления в медиа может сформировать сложный и неоднозначный образ в общественном сознании, что представляет научный интерес. Для изучения динамики репрезентации искусственного интеллекта в материалах СМИ было проведено практическое исследование с применением методов контент-анализа, дискурс-анализа и анализа документов. Эмпирическую базу составили материалы медиа, опубликованные в период с 2010-го по 2020 г., содержащие упоминания смысловых единиц, относящихся к исследуемой тематике. Медиа были разделены по формальному и технологическому критериям на три группы: пресса, телевидение, Интернет. В прессе и телевидении изучались как русскоязычные, так и зару-

бежные источники, в Интернете анализировался только русскоязычный сегмент. В результате были отобраны единицы анализа или наиболее часто встречающиеся в материалах по теме слова и словосочетания. В список вошли 23 единицы: искусственный интеллект, технология ИИ, алгоритмы, самообучающиеся алгоритмы, оптимизация, нейросети, автоматизация, самообучающиеся системы, роботы-помощники, нейронные сети, естественный язык, робототехника, машинное обучение, синтезированная речь, массив данных, разработка программного обеспечения, разработчики, данные нейросети, цифровые технологии, развитие высоких технологий, система интеллектуального распознавания, IT-специалисты, цифровая экономика. Были также определены контекстуальные рамки исследования, согласно которым упоминание единиц анализа учитывалось как положительное, отрицательное или нейтральное представление.

За изученный период во всех группах наблюдается общая динамика роста числа упоминаний. Так, в изученных интернет-медиа количество упоминаний единиц анализа в публикациях за десять лет выросло в сорок раз (с 319 в 2010 г. до 12813 в 2020 г.). В прессе пиковые периоды по количеству упоминаний пришлись на 2014 и 2017 гг., также рост наблюдался ближе к 2020 г. Телевидение стало больше уделять внимания теме искусственного интеллекта с 2018 г.

В качественном отношении положительная репрезентация интеллектуальных технологий более свойственна зарубежным источникам. В целом соотношение положительного/отрицательного контекста изменилось с начала десятилетия с 63/37 % до 52/48 %. К наиболее часто встречающимся упоминаниям в положительном контексте относились: повышение производительности труда, обработка большого объема информации, быстрота, отсутствие эмоций, способность выполнять рутинную работу, обучаемость, повышение эффективности труда, точность результатов, решение сложных задач, повышение качества, минимизация ошибок, повышение безопасности. В негативном контексте искусственный интеллект упоминался в следующих рамках: безработица, повышение требований работодателей, угроза для мира, способность привести к катастрофе, разработка оружия, использование против других стран, вред для окружающей среды, интеллектуальное превосходство над людьми, выход из-под контроля, вред для людей, зависимость от машин, тотальный контроль, неэтичность. В общих чертах можно сделать вывод о том, что на положительную динамику освещения искусственного интеллекта в медиа повлиял рост количества разработок, ориентированных на решение актуальных человеческих проблем. Это, например, лечение рака; изучение устройства сложных человеческих органов; разработка программ, способных улучшать коммуникативное взаимодействие. К последним можно отнести, например, игрушки, улучшающие отношения между родителями и ребенком, или даже алгоритмы, позволяющие продолжать коммуникативные связи родственников с близкими людьми, ушедшими из жизни. Негативный контекст освещения технологий искусственного интеллекта сформирован, скорее, как алармистский фон с призывами сохранять традиционные практики, в частности, в образовании.

На основании результатов анализа тем материалов в изученном временном периоде можно выделить несколько ключевых процессов, существенно повлиявших на характер и масштаб освещения технологии. К ним относятся:

– распространение big data и технологий аналитической обработки больших объемов информации;

- появление «умных» новостных лент в социальных сетях;
- масштабные инвестиции крупных мировых компаний в области использования роботов и искусственного интеллекта в 2014–2015 гг. Согласно исследованиям международной экономической активности инвестиции в различные технологические разработки, связанные с искусственным интеллектом, выросли с 2014 по 2017 г. в три раза и составили около 40 млрд дол. США. В 2018 г. объем мирового рынка технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, составил 21,5 млрд дол. США и, по прогнозам экспертов, к 2024 г. достигнет почти 140 млрд дол. США [13];
- признание к концу 2010-х гг. правительствами крупнейших мировых держав искусственного интеллекта одним из ключевых ресурсов, необходимых для достижения и удержания лидирующих позиций;
- утверждение программных и стратегических документов в области развития искусственного интеллекта крупнейшими международными организациями и правительствами национальных государств.

К началу третьего десятилетия XXI в. медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению рамок развития данной технологии. К настоящему времени более полусотни мировых стран в том или ином виде разработали национальные стратегические документы, связанные с развитием искусственного интеллекта [14]. Первые шаги в этом направлении были сделаны в Российской Федерации с принятием Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Согласно стратегии в «задачи развития искусственного интеллекта в России входят:

- поддержка научных исследований в целях обеспечения опережающего развития искусственного интеллекта;
- разработка и развитие программного обеспечения, в котором используются технологии искусственного интеллекта;
- повышение доступности и качества данных, необходимых для развития технологий искусственного интеллекта;
- повышение доступности аппаратного обеспечения, необходимого для решения задач в области искусственного интеллекта;
- повышение уровня обеспечения российского рынка технологий искусственного интеллекта квалифицированными кадрами и уровня информированности населения о возможных сферах использования таких технологий;
- создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта» [13].

К концу 2020 г. в ЮНЕСКО был разработан черновой вариант рекомендаций по этике искусственного интеллекта. В феврале 2021 г. о своем намерении разработать национальную стратегию в области интеллектуальных технологий заявило правительство США.

Заключение. Проведенное исследование выявило зависимость динамики освещения искусственного интеллекта от политической и экономической активности заинтересованных субъектов. Вместе с тем повышенный интерес к теме со стороны медиа потенциально провоцирует различные искажения представлений о научных достижениях в данной области и связанных с ними инновациях.

К началу третьего десятилетия XXI в. медиадискурс вокруг искусственного интеллекта расширился до такого состояния неопределенности, когда потребовались действия по установлению рамок развития данной технологии. Особое беспокойство вызывают нерешенные этические вопросы применения искусственного разума. Чувствительными остаются зоны несанкционированного или неуправляемого взаимодействия технологии с человеком, что может приводить к серьезным негативным последствиям. К настоящему времени более полусотни мировых стран в том или ином виде разработали национальные стратегические документы, связанные с развитием искусственного интеллекта. По всей видимости, в медиадискурсе в ближайшие годы также будут определяться нормативные и смысловые рамки освещения темы развития искусственного интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // *Mind*. 1950. Vol. 59 (236). P. 433–460.
2. Searle J. R. Minds, brains, and programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, no. 3. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>.
3. Deuze M., Witschge T. Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism // *Journalism*. 2018. Vol. 19, no. 2. P. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916688550>.
4. Siebert F. S., Peterson T., Schramm W. Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do. Urbana: University of Illinois Press, 1963.
5. McQuail D. Mass communication theory: an introduction. 2nd ed. London: Sage Publications, 1987.
6. Luhmann N. Die Realitat der Massenmedien. Wiesbaden: Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2004.
7. Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // *ДИСКУРС*. 2020. Т. 6, № 4. С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72>.
8. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>.
9. Alexander J. C. The Crisis of Journalism Reconsidered: Cultural Power // *Fudan J. of the Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 8, iss. 1. P. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40647-014-0056-5>.
10. Van der Haak B., Parks M., Castells M. The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age // *International J. of Communication*. 2012. Vol. 6. P. 2923–2938.
11. Eyal G. The Crisis of Expertise. Cambridge: Polity Press, 2019.
12. Elaboration of a Recommendation on the ethics of artificial intelligence // UNESCO. 2021. URL: <https://en.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (дата обращения: 30.05.2021).
13. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 30.05.2021).
14. The 2020 AI Strategy Landscape. 50 National Artificial Intelligence strategies shaping the future of humanity // *Holon IQ*. 2020. 20 Feb. URL: <https://www.holoniq.com/notes/50-national-ai-strategies-the-2020-ai-strategy-landscape/> (дата обращения: 30.05.2021).

Информация об авторе.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического

университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 27 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, история политических учений, мировая политика, медиафилософия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru

REFERENCES

1. Turing, A.M. (1950), "Computing Machinery and Intelligence", *Mind*, vol. 59 (236), pp. 433–460.
2. Searle, J.R. (1980), "Minds, brains, and programs", *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 3, no. 3, pp. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756>.
3. Deuze, M. and Witschge, T. (2018), "Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism", *Journalism*, vol. 19, no. 2, pp. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884916688550>.
4. Siebert, F.S., Peterson, T. and Schramm, W. (1963), *Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do*, University of Illinois Press, Urbana, USA.
5. McQuail, D. (1987), *Mass communication theory: an introduction*, 2nd ed., Sage Publications, London, UK.
6. Luhmann, N. (2004), *Die Realität der Massenmedien*, Sozialwissenschaften I GWV Fachverlage GmbH, Wiesbaden, DEU.
7. Kolianov, A.Yu. (2020), "Professional Identity of Journalist in Hybrid Media System", *Discourse*, vol. 6, no. 4, pp. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72>.
8. Chadwick, A. (2013), *The Hybrid Media System: Politics and Power*, Oxford University Press, Oxford, UK. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>.
9. Alexander, J.C. (2015), "The Crisis of Journalism Reconsidered: Cultural Power", *Fudan J. of the Humanities and Social Sciences*, vol. 8, iss. 1, pp. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40647-014-0056-5>.
10. Van der Haak, B., Parks, M. and Castells, M. (2012), "The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age", *International J. of Communication*, vol. 6, pp. 2923–2938.
11. Eyal, G. (2019), *The Crisis of Expertise*, Polity Press, Cambridge, UK.
12. "Elaboration of a Recommendation on the ethics of artificial intelligence" (2021), UNESCO, available at: <https://en.unesco.org/artificial-intelligence/ethics> (accessed 30.05.2021).
13. Decree of the President of the Russian Federation no. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation", 10 Oct. 2019, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 30.05.2021).
14. "The 2020 AI Strategy Landscape. 50 National Artificial Intelligence strategies shaping the future of humanity" (2020), *Holon IQ*, 20 Feb, available at: <https://www.holoniq.com/notes/50-national-ai-strategies-the-2020-ai-strategy-landscape/> (accessed 30.05.2021).

Information about the author.

Alexey Yu. Kolianov – Can. Sci. (Policy) (2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 27 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, history of political doctrine, world politics, media philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru